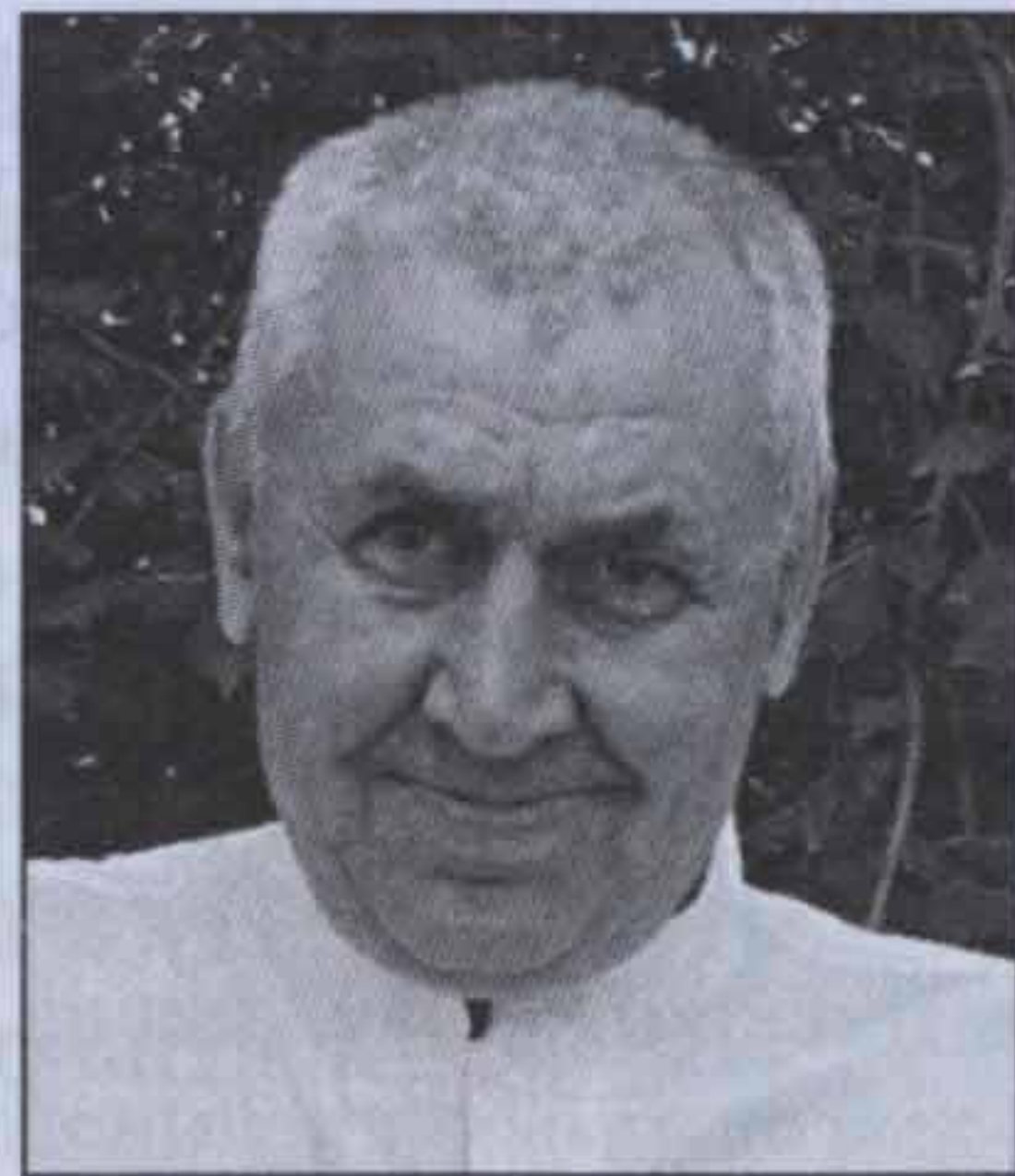

Евгений Гончаров

Евгений Петрович Гончаров родился в 1955 в Благовещенске. Закончил Благовещенский коммунально-строительный техникум, затем, заочно, факультет журналистики Дальневосточного государственного университета. Работал строителем, электриком, корреспондентом областных и центральных газет. Три года жил и работал в Китае — в Пекине и Харбине. Печатался в журнале «Дальний Восток», в альманахах «Приамурье» и «Амур», в китайских русскоязычных журналах «Китай» и «Партнёры». В настоящее время ведёт блог на русской службе Би-би-си, а по совместительству работает дворником.

New «Мёртвые души»

Повесть о людях и времени

ВРЕМЯ НЕ КОЛБАСА

Наш главный герой, Михаил Воробьёв, жил в старинном российском городке с именем Благовонск. Появление его на свет в начале второй половины XX века прошло мимо внимания мировой прессы.

Почему, спросите, жил? А потому что помер он в конце этой повести. Несмотря на столь печальный исход и множество других грустных моментов по ходу повествования, обещаю вам как автор, что эту повесть вы прочтёте легко, хотя в процессе чтения не раз и не два задумаетесь о смысле жизни и бренности бытия.

Друг читатель, не суди меня строго за использование в названии моего опуса названия другого, хорошо известного тебе произведения. Так уж расположились на небе звёзды, что и Гоголь, и его поэма оказали решающее влияние на Мишину судьбу. Сам Воробьёв недолго любил Николая Васильевича и его бессмертное творение, и были у него на то весьма веские причины. Впрочем, не буду забегать вперёд. Хотя в моей повести, отмечу это особо, понятия прошлого и будущего размыты.

Время бесконечно и непрерывно. Где его начало и конец? Нет их! И смешны потуги историков делить время на какие-то удобные для них самих отрезки — как я режу палку копчёной колбасы, когда она, по великим праздникам, появляется в моём холодильнике. Да что это я жалуясь на свою жизнь? Писатель, особенно русский, должен быть голодным: это заставляет его с большей скоростью стучать по «клаве» в надежде на получение гонорара. Вот, скажем, грузчику или спортсмену-качку никак нельзя без плотного обеда, с обязательной мясной котлетой и сладким компотом. Писателю же хватит и доширака. Как справедливо говорят у нас в народе: «Писать — не мешки таскать». Но оторвёмся от колбасы, которая всегда так быстро заканчивается, и вернёмся к бес-

конечному времени, которое человечество тысячи лет пытается порезать на эпохи, эры и исторические периоды.

Летоисчисления у разных народов велись по-разному и были привязаны к каким-либо мифическим или реальным событиям.

Свои календари были у древних шумеров, египтян и арабов. У китайцев каждая эпоха начиналась и заканчивалась с началом и концом правления очередного императора, и таковых эпох набралось целых 350 — достойно занесения в Книгу рекордов Гиннеса.

В Древней Греции счёт времени вёлся по олимпиадам, в Римской империи — от основания Рима. Иудеи ведут отсчёт лет от Сотворения мира, христиане — от рождения Иисуса Христа, мусульмане — от дня переезда пророка Мухаммада в Медину. Я уж не стану перечислять календари всех народов мира, которых, как написано в «Википедии», было более тысячи.

А сколько часов человечеством изобретено! И солнечные, и водяные, и настенные, и карманные...

И всё-таки вы, уважаемые читатели, посмотрев на циферблат, не обольщайтесь, что понимаете ход времени. Это лишь вращение на оси часовой, минутной и секундной стрелок, и не более того. В детстве, отрочестве, зрелости и старости время течёт с разной скоростью. Бывает, что минуты тянутся часами, а годы мелькают, как дни. Иногда время останавливается, а порой идёт вспять.

Вот наш герой Миша Воробьёв считал, что «Мёртвые души» — это полный отстой и позапрошлый век. Но, помилуйте, господа! — Собакевич сейчас в парламенте, Манилов — в правительстве, Коробочка — в благотворительном фонде... Идёшь по улице — и вдруг мимо проедет, восседая в шестисотом «Мерседесе», Чичиков. А в толпе прохожих мелькнёт до боли знакомый длинноносый профиль... Вам не приходилось сталкиваться с таким наваждением?

ПРО БИТЛОВ И ГОГОЛЯ

Мишина устойчивая неприязнь к произведениям Николая Васильевича Гоголя была вызвана, как это ни странно, школьными уроками литературы. Человека нельзя перекармливать чем-либо, будь то манная каша или повесть «Тарас Бульба». До конца своей жизни Воробьёв так и не взял в толк, на кой ляд его в школе заставляли учить наизусть отрывки из произведений Гоголя? С той поры нет-нет да и всплывут в его памяти ни к селу ни к городу фразы: «Чуден Днепр при тихой погоде», «Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал?», «Редкая птица долетит до середины Днепра», «Русь, куда ж несёшься ты? дай ответ».

А ещё у Миши с Гоголем был связан один весьма неприятный эпизод. Впрочем, Николай Васильевич тут был совсем не при делах, но неприятный осадок у Воробьёва, как в том анекдоте про серебряную ложечку, всё же остался. Надо ж было ему заспорить с учительницей русского языка и литературы по поводу моды на длинные, как у битлов, причёски:

— Нелли Петровна, почему советскому школьнику нельзя иметь длинную причёску?

— Длинные волосы — это неопрятно.

— Я обещаю мыть голову каждый вечер, а по утрам делать укладку феном.

— Длинные волосы носят хиппи, которые курят марихуану и исповедуют свободную любовь.

— Нелли Петровна, а Николай Васильевич Гоголь был неопрятным?

— Почему ты так решил?

— У него же длинные волосы.

— Не сравнивай себя с классиком русской литературы.

— Откуда вы знаете, быть может, я тоже будущий классик?

— Ты сначала выучи наизусть отрывок из «Мёртвых душ».

— Нелли Петровна, а Карл Маркс?

— Что Карл Маркс?

— У него причёска, как у хиппи.

— Ну знаешь, Воробьёв... — учительница задохнулась от гнева. — Всему есть предел!

Потом был педсовет, обсуждавший проступок девятиклассника Михаила Воробьёва, который замахнулся на самое святое для советского человека. На память об авторе «Капитала». Произведения, лёгшего в основу марксистско-ленинского учения — путеводной звезды угнетённых классов и всего прогрессивного человечества. Отступника предупредили, что в случае повторения подобного его выгонят из школы с «волчьим билетом». К всеобщему удивлению, нарушителя дисциплины попросил строго не наказывать лишь директор школы Даниил Никитович. Никто не знал, что его самого в предвоенном 1940-м едва не отчислили из школы. За вопрос на уроке истории о роли красного полководца Льва Троцкого в годы Гражданской войны.

А насчёт отрывков из Гоголя я вполне согласен с Мишей Воробьёвым — зачем их запоминать, как молитву?

МИГ МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

Я опускаю из своего повествования продолжительный период жизни Михаила Воробьёва. Вы не узнаете: про его обучение на факультете журналистики; про работу в районной газете «Красный пахарь» и в областной — «Амурский коммунарь»; про службу пресс-секретарем в партии «Общая Россия»; про три неудавшиеся попытки семейной жизни. Я сразу перехожу к последнему отрезку его биографии — кладбищенскому.

Мы с вами словно бы сели в машину времени, расставшись с семнадцатилетним Мишей Воробьёвым, и тут же вышли из неё, встретившись с героем уже в возрасте пятидесяти лет. Ведь не зря сказано в песне: «Есть только миг между прошлым и будущим, именно он называется жизнь». По последним данным науки, возраст Вселенной составляет $13,830 \pm 0,075$ миллиарда лет; Солнечная система сформировалась свыше 4,5 миллиарда лет назад; жизни на Земле 4 миллиарда лет; приматы появились около 95 миллионов лет назад. А

сколько человеческих поколений вмещают те самые, взятые за погрешность, «плюс-минус 0,075 миллиарда лет», вы уж сами, если не лень, посчитайте.

Грешил Николай Васильевич длиннотами, грешил. Автор «Мёртвых душ» описал бы наружность персонажа, начиная от его шапки и заканчивая башмаками, не пропустив ни галстука, ни гюльфика. Непременно уделил бы внимание чертам лица и цвету глаз, состоянию зубов, тембру голоса, конституции тела, походке, размеру обуви — и прочее, и прочее. На всё это у него ушло бы как минимум полстраницы текста. Но Гоголь — писатель эпохи гусиного пера и чернильницы. У кого же в наш айфоновый век достанет терпения на чтение таких ничего не значащих подробностей.

И я, как литератор современный, нарисую портрет взрослого Воробьёва всего лишь тремя лёгкими штрихами. Он был похож на постаревшего и располневшего Леонардо Ди Каприо, с недельной щетиной на щеках, и предпочитал в одежде джинсовый стиль. И всё.

Работу техника по инвентаризации кладбища Воробьёву предложили на бирже труда Благозвонска. Интернациональный коллектив муниципального предприятия «Ритуальный сервис» принял в свои ряды новичка поначалу несколько настороженно, на что у тружеников скорбного дела были свои основания. Но уже через неделю Миша пил водку с русскими парнями из похоронной команды и сосал насвай с узбеками из бригады копщиков могил, получив полное расположение к себе тех и других.

С мая по октябрь Михаилу и ещё трём техникам-инвентаризаторам предстояло провести описание захоронений на старом и новом участках благозвонского кладбища, за полтора века давшего последний приют десяткам тысяч покойников. Воробьёву выдали офицерскую сумку-планшет, рулетку, шариковую ручку с десятком стержней, довели месячный план — 5000 могил — и, пожелав творческих успехов, отправили в город мёртвых. По утрам он сдавал главному инженеру заполненные бланки инвентаризации, брал пачку чистых листов и на весь день уходил к своим клиентам — невидимым, неслышным и непритязательным к качеству обслуживания.

Как-то Миша поделился со своим начальником сомнением:

— Там столько много усопшего народа, что мне переписать всех времени не хватит.

На что начальник философски ответил:

— Ты не успеешь — другие завершат тобой начатое.

СМЕРТИ НЕТ, РЕБЯТА!

На бесхозной могиле была лишь деревянная тумбочка с номерком от 2000-го года.

Александр Груздев верил в пришествие коммунизма. Символично, что Саша родился 31 октября 1961 года — в день принятия XXII съездом КПСС новой программы, которая заканчивалась словами: «Партия торжественно провозглашает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». При этом указывался и год наступления коммунизма — 1980-й.

Смелые фантазии Герберта Уэллса, Жюль Верна и Айзека Азимова о будущем человечества меркли перед этим творением идеологического отдела ЦК КПСС — величайшего фантаста всех времён и народов.

Главным учебным пособием и украшением кабинета обществоведения, в котором Саша Груздев познавал основы исторического материализма в средней школе, было художественно исполненное панно, занимавшее всю боковую стену напротив окон. Когда-нибудь эта повесть будет экранизирована, а пока у меня нет даже художника-иллюстратора. Попробую описать это замечательное панно словами.

Картина была написана масляными красками на полотне, натянутом на подрамник размерами восемь на два метра. Последовательно были изображены первобытно-общинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и коммунистическая общественно-экономические формации, как их видел автор замысла этого шедеврального учебного пособия.

Художник в мельчайших подробностях живописал: первобытного человека с каменным топором и рядом мамонта; раба в каменоломне и надсмотрщика с кнутом; крестьянина с сохой и всадника в рыцарских доспехах; рабочего с молотом у наковальни и капиталиста в цилиндре и с сигарой в зубах. На капитализме мы прервёмся, поскольку живописание коммунизма потребует отдельного абзаца.

Коммунистическая формация была разбита на три этапа. Солдаты и матросы, с винтовками штурмующие Зимний дворец, символизировали начало эры социализма. Рабочий в комбинезоне, с шестерёнкой в руках, колхозница в халате, со снопом пшеницы, и интеллигент в очках, с раскрытой книгой, обозначали период строительства материальной базы коммунизма. И, наконец, какие-то бесполое существа, в космических скафандрах и с реактивными соплами вместо жоп, обозначали начало собственно коммунистической эры.

Поверху панно шла хронология общественно-экономических формаций. Крупно и красным цветом были выделены даты Великой Октябрьской социалистической революции — 7 ноября (25 октября) 1917 года и начала коммунизма — 1980 год. Понизу была обозначена продолжительность жизни человека при каждом строе. Первобытный человек доживал до 20 лет, далее шло по нарастающей... Советский человек жил уже 75 лет. А теперь крепко держитесь за сиденье стула, чтобы не свалиться: с 2000 года люди становились бессмертными!

Картина «Последний день Помпеи» кисти Карла Брюллова, которую Саша видел на цветной репродукции, не произвела на него и сотой доли того впечатления, какое произвело панно в школьном кабинете обществоведения. Даты 1980 и 2000 глубоко запали ему в душу.

На первом же своём уроке преподаватель обществоведения Маргарита Петровна, или просто Марго, разъяснила ученикам различие между двумя способами распределения: «От каждого по способностям, каждому по труду» и «От каждого по способностям, каждому по потребностям». Первый способ, сказала она, применяется при социализме, являющемся начальной стадией коммунизма. Второй способ будет использован при построенном коммунизме. И пояснила, что «каждому по труду» означает выдачу заработной платы деньгами, на которые трудящиеся покупают всё им необходимое, а «каждому

по потребностям» — бесплатное распределение материальных благ. При социализме деньги ещё есть, а при коммунизме они будут отменены.

Последнее сообщение потрясло неокрепшие детские умы.

— А как же без денег покупать в магазине?!

— В магазинах всё будет бесплатно, — разъяснила Марго.

— Можно будет зайти и взять бесплатно аж десять пирожных?!

— Можно! Но человеку столько не надо — достаточно одного-двух. Люди будут сознательными и станут брать продукты по потребности. Зачем человеку пять пар обуви сразу? Достаточно одной летней и одной зимней. Перегорел телевизор — пошёл, взял новый.

— А если на всех не хватит?

— Хватит всем! — отрезала Марго. — Благодаря внедрению научных достижений производительность труда возрастёт многократно. Рабочий день сократится до минимума, у людей появится больше времени для духовного совершенствования и культурного отдыха.

Потом классная дискуссия перешла в область продолжительности жизни.

— Маргарита Петровна, а как это — бессмертие? Люди, что ли, перестанут умирать?

— Некоторые долгожители уже сейчас преодолели вековой рубеж, скоро этого возраста будет достигать каждый человек. Потом наука найдёт способы продлить жизнь до двухсот лет, и так далее — до полного бессмертия.

— А если сердце остановится?

— Сердце — это обыкновенный насос для перекачки крови в организме. Искусственное сердце, которое сейчас применяется при операциях, ещё очень велико по габаритам — с холодильник. Но скоро механическое сердце на батарее будет размером с яблоко и его вживят в организм вместо больного. То же и лёгкие — это ведь воздушные меха, как в кузне. И печень с почками — всего лишь фильтры для сбора отходов в организме. Эти и другие органы можно будет заменять на искусственные...

Мне сейчас сложно рассуждать, верила ли в свои слова сама Марго. Наверняка ведь ей, женщине ещё молодой и привлекательной, хотелось носить не туфли-лодочки фабрики «Скороход» и унылый костюм с юбкой, сшитый по выкройке десятилетней давности, а что-то похожее на то, в чём ходят женщины из стран загнивающего капитализма, которых иногда показывали в кинохронике. Ей хотелось выглядеть стильно и нарядно, как те американки, что стояли вдоль дороги при встрече первого космонавта Юрия Гагарина. Она хотела пользоваться духами «Шанель», а не приготавливать на кухне лосьон из огурца и водки по рецепту из журнала «Наука и жизнь». Маргарита Петровна, наконец, хотела носить на пляже сексуальный купальник бикини, купаясь в похотливых взглядах мужчин. Но ей приходилось штопать чулки, пользоваться прокладками из ваты, по вечерам смотреть скучное чёрно-белое телевидение и мечтать о профсоюзной путёвке в Монголию. И всё рассказывать детям сказки о светлом коммунистическом будущем.

Верила не верила Марго в эти байки, но вбила в Сашину голову убеждение, что через десять лет в магазинах всё будет бесплатно и что ещё через два десятилетия он обретёт бессмертие.

Наступил 1980 год. Александру Груздеву было восемнадцать лет, он учился на первом курсе историко-географического факультета Благовонского педагогического института. Саша был комсоргом группы, поэтому посещал лекции в Доме политического просвещения.

После того как лектор из обкома КПСС полтора часа распинаялся об общем кризисе мировой капиталистической системы и скором её крахе, а потом попросил аудиторию задавать вопросы, Саша спросил:

— Товарищ лектор, а как можно объяснить присутствие в партийной программе пункта, гласящего о создании материально-технической базы коммунизма до 1980 года?

В зале повисла гробовая тишина. Первым подал голос лектор:

— Я отвечу на ваш вопрос... Перерастание социализма в коммунизм определяется объективными законами развития общества, не считаться с которыми нельзя. И построение материально-технической базы коммунизма — одно из главных условий полного перехода от социализма к коммунизму. Гонка вооружений, навязанная странам Варшавского договора странами НАТО, не позволяет социалистическому лагерю направить все людские, производственные и сырьевые ресурсы на создание уровня благосостояния советского и братских народов, необходимого для вступления в фазу коммунизма... Я ответил на ваш вопрос?

— Тогда, наверно, необходимо внести изменения в действующую программу партии? — продолжил Груздев прессовать лектора.

На что тот сделал брови домиком и сказал:

— Такие вопросы задавались и на курсах при идеологическом отделе партии в Москве, где я недавно проходил переподготовку. И там было компетентно заявлено, что готовится новая редакция программы, которая будет принята на очередном съезде партии. — И улыбнулся: — Ну теперь-то я, надеюсь, ответил на ваш вопрос?

— Чёрт тебя дернул, Саша, со своими вопросами, — сказал потом Груздеву комсорг института. — Забредут тебя в армию.

Но он не угадал. На Груздева, по рекомендации обкома партии, конечно, обратили внимание в обкоме комсомола, и Александр попал в кадровый резерв, из которого была одна прямая дорога — в комсомольско-партийные работники.

Как и предрекал осведомлённый лектор, на XXVII съезде КПСС из программы изъяли устаревшую дату начала коммунизма и заявили о постепенном переходе от социализма к коммунизму, а также о необходимости ускорения социально-экономического развития. Это уже была весна 1986 года — начало перестройки.

И инструктор отдела промышленности, строительства, транспорта и связи Благовонского горкома КПСС Александр Груздев понёс в народные массы новые сумасбродные идеи кремлёвских мудрецов. Но массы не внимали, а пили водку, и тогда, для их же пользы, была начата антиалкогольная кампания и введены талоны на спиртное.

Потом грянули непрерывной чередой многопартийность, августовский путч 1991-го, развал союзного государства, шоковая терапия для кошельков,

приватизация, рыночная экономика. Как человек неглупый, Груздев понял, что в России победил капитализм, причём в самой его дикой форме, давно уже пройденной западными странами.

Вчерашние пламенные коммунисты побросали свои партийные билеты и занялись делёжкой социалистической экономики, взрывая конкурентов и обкрадывая трудовые коллективы.

Александр не поступился принципами и оказался на обочине новой жизни. Какое-то время он был учителем в школе, потом сторожем, потом получал пособие по безработице, собирал металлолом.

1 января 2000 года Александра Груздева нашли в его замызганной комнатёнке повесившимся. На колченогом столе, застеленном газетой, среди хлебных крошек, селёдочных костей и шкурок от сала стояла пустая бутылка из-под водки и лежала короткая предсмертная записка: «Смерти нет, ребята!».

ЧЕЛОВЕК-ГАСТРОНОМ

Под этим памятником из чёрного гранита лежал Степан Кукушкин. Или просто Стёпа-гастроном.

Что такое дефицит, Стёпа узнал с раннего детства. Бывая в домах своих уличных друзей, он обращал внимание на то, что у каждой семьи имелось что-то такое, чего не было у других. Став постарше, он понял причину сего явления.

Если в доме каждый день мясо в щах, гуляш и котлеты на второе, а на компоте жирная плёнка, то кто-то из родителей работает на бойне. Если конфеты, мармелад и вафли — на кондитерской фабрике. Масло, сметана и творог — на молкомбинате. Яблоки, виноград и бананы — на плодобазе. В Стёпином доме ничего этого не было, зато сараюшка во дворе была забита электролампочками, розетками и выключателями, кругами изоленды и бухтами провода — отец работал электриком. Между соседями, как при царе Горохе, происходил натуральный обмен: бисквитный торт оплачивался свиной печенью, дыня — творогом, любой продукт — кругом изоленды или мотком провода.

Когда остальные школьники мечтали стать лётчиками, врачами и геологами, Стёпа знал, что будет торговым работником. Закончив институт советской торговли, он прошёл карьерную лестницу: продавец — завотделом — директор гастронома.

В 70–80-е годы прошлого века купить что-то дефицитное по знакомству называлось «достать по блату». Сидящие на дефиците сбивались в блатные сообщества. Шёл взаимообмен мебелью, одеждой, обувью, книгами, грампластинками, радиотоварами. Нового человека в блатной компании так и представляли: «Знакомьтесь, Пал Палыч — стройматериалы». Затем Пал Палычу представляли остальных: «Соломон Израилевич — ювелирный, Зинаида Абросимовна — авиабилеты, Иван Кузьмич — турпутёвки, Анна Ивановна — коммиссионный, Степан Панкратович — индпошив».

Кукушкина в блатном сообществе, за глаза и в глаза, звали «гастрономом» — он заведовал центральным городским продуктовым магазином. Колбасы и

копчёности, икра чёрная и красная, сыры твёрдые и мягкие, вина сухие, полусухие и креплёные, водка, коньяки и шампанское, конфеты, бисквиты и торты, тушёнка, сгущёнка и гречка — вот на чём сидел Степан.

Как-то Кукушкин на рыбалке с друзьями, потроша карася для ухи, порезал острым ножом указательный палец левой руки. Йода или зелёнки с собой не оказалось, и он залил ранку «посольской» водкой. По возвращении домой палец покраснел, опух и мучительно заныл. Выдержав три дня, поочередно вымачивая палец в растворе соды, марганцовки и мочи, но не получив облегчения, Степан пошёл в поликлинику. Само собой, по блату — без очереди и записи в регистратуре. Участковый терапевт, приняв в благодарность палку сервелата, принесённого пациентом в портфеле, осмотрел палец Кукушкина, уже ставший похожим на сардельку, и дал направление к хирургу. Тот диагностировал запущенный абсцесс и сказал, что внутреннее нагноение надо срочно вскрыть разрезом.

Степан панически боялся уколов, он падал в обморок, когда у него брали для анализа кровь из пальца. Отдав хирургу вторую палку сервелата, Кукушкин спросил, будет ли при операции применён общий наркоз. Эскулап усмехнулся и объяснил, что для такой операции будет достаточно и местного обезболивания. Представив, как его больной палец обкалывают новокаином, а потом разрезают, и всё это при полном его сознании, пациент впал в животный ужас.

В ход пошли обещания завалить хирурга корейкой, грудинкой, ветчиной, балыком, бужениной и карбонадом — лишь бы был применён общий наркоз. Хирург, конечно же, понимал, что идёт на профессиональное нарушение, граничащее с преступлением. Это был хороший хирург, но, изголодавшись по мясным копчёностям, в тот момент он забыл все принесённые клятвы — и советского врача, и Гиппократовы. И согласился-таки на общий наркоз при операции на пальце.

Директора центрального гастронома поместили в предоперационное отделение и стали готовить к общему наркозу. Через два дня его, накачанного успокоительными препаратами, полусонного переложили с кровати на тележку и повезли в операционный блок. В коридоре на полу в керамической плитке была выбоина, в которую попало колёсико тележки. Тележка завалилась на бок, и пациент выпал на пол. Его всё-таки доставили до места и уложили на операционный стол. Анестезиолог надел ему маску и пустил хлороформ. Как это нечасто, но случается, у больного остановилось сердце. Непрямой массаж сердца не помог, и хирург, сделав разрез грудной клетки, взял сердце Кукушкина в свою сильную ладонь и несколькими энергичными сжатиями запустил его вновь.

Из-за резко ухудшившегося состояния больного операцию на пальце отложили. Выяснилось, что при падении с тележки пациент сломал лучевую кость на правой руке, — срочно наложили гипс.

Придя в сознание среди ночи, повелитель царства продуктового изобилия в темноте попытался ощупать себя и с удивлением обнаружил, что его правая рука во что-то закована. Уже левой рукой он нащупал на правой руке гипс, а под левым соском — зашитый длинный поперечный разрез.

Утром дежурный по палате реанимации медбрат рассказал в подробностях Кукушкину, что с ним случилось вчера. Через десять дней его выписали из

больницы. При этом дали направление в травматологию, чтобы там завершили лечение перелома.

Травматолог, посмотрев рентгеновский снимок, вспомнил негромким ласковым словом мать хирурга — за то, что тот неправильно зафиксировал обломки. Лучевая кость срослась криво, и её надо было опять ломать. Это было уже выше сил несчастного Кукушкина, но ему пришлось покориться. В отличие от хирурга, травматолог оказался несговорчивым, да и чем бы он смог помочь пациенту в этом клиническом случае. Он по живому сломал кость и сложил как надо.

Вся эта больничная эпопея Кукушкина продлилась полтора месяца. В общей суматохе про воспалившийся палец, из-за которого вся эта карусель и закрутилась, доктора, и сам больной, как-то позабыли — всем было не до того. А когда вспомнили, нагноение пальца уже прорвалось само по себе.

В этой невесёлой истории был один позитив: Степан, после всего того страшного, что он перенёс, совсем перестал бояться уколов — подкожных, внутримышечных и даже, вы не поверите, внутривенных.

Сорокалетний Кукушкин прожил ещё восемь лет, и жил бы ещё долго, но утонул в море, отдыхая с молодой любовницей в Таиланде. Чёрт его понёс на этот дайвинг, лучше сходил бы на шоу трансвеститов.

ЗВОНОК ОТ ЧИЧИКОВА

Кладбищенские рабочие обычно не упускают случая подобрать с могилки початую бутылку водки, которую зачастую оставляют малопьющие родственники и друзья покойного. Подбирают и конфеты, завёрнутые в фантики. Худо-бедно, на кладбище всегда найдётся что выпить и чем закусить. Новички поначалу брезгуют этим угощением от покойников, но скоро привыкают. Куда ты денешься, если с утра горят трубы, а денег на опохмелку нет.

Миша Воробьёв, томимый неутолимой жаждой и страдавший от постоянного безденежья, в первый день работы на кладбище брезговал ровно одну секунду. Столько времени ему понадобилось, чтобы решиться выпить полстакана водки, которую он обнаружил на одном из надгробий. Не упускал он таких случаев и потом. Но как-то раз — то ли насвай Воробьёву по мозгам шарахнул, то ли макушку солнцем перегрело — случилось с ним нечто не поддающееся никакому логическому объяснению.

На одной из могил Михаил увидел закупоренную бутылку коньяка «Хеннесси» и плитку шоколада «Гунтхарт» с неповрванной обёрткой. Станным было то, что могила была явно заброшенной — заросшей травой по пояс и с просевшим холмиком, безо всяких опознавательных знаков. Тем не менее шикарная выпивка и отличная закуска присутствовали на ней.

«Что за чертовщина? — подумал Воробьёв. — Вдруг отравка? Да и хрен с ним, помирать — так с кайфом!»

Он подобрал находку, нашёл ближайший столик со скамейкой и вкусил кладбищенских даров. Отхлебнув из бутылки несколько раз, он почувствовал необычайную эйфорию!

Старенький мобильный телефон Sony Миша носил в кармане как часы — сим-карта в нём давно была отключена за неуплату, да оно и к лучшему — не надоедали своими звонками многочисленные кредиторы. И вдруг этот мобильник запиликал мелодией вызова!

Воробьёв надавил кнопочку приёма и поднёс аппарат к щеке.

— Алё! Слушаю вас. Это кто?

— Чичиков, — ответил бодрый голос.

— Чего изволите, Павел Иванович? — неожиданно для себя перешёл на обходительный тон Воробьёв.

— Ты там мёртвые души переписываешь, мне доложили.

— Точно так.

— А знаешь ли, что на меня работаешь?

— Никак нет. Но теперь буду знать!

— Смотри мне, от работы там не отлынивай, пьянствуй поменьше. Скоро приеду за списками.

— Не подведу вашего доверия! — пообещал Миша.

Когда он к вечеру проснулся на кладбищенской скамейке, то не нашёл ни бутылки из-под коньяка, ни фольги от шоколадки.

«Надо с насваем завязывать, — подумалось ему, — а то совсем крыша съедет».

ПРО ЛОХОТРОНЫ

Под богатым каменным надгробием лежал Фёдор Семёнов. При жизни он был сначала подающим большие надежды учёным-математиком, а потом известным в Благовонске бизнесменом.

Первым его шагом к богатству было мошенничество. Этот способ заработка лёгких денег Семёнов подсмотрел в конце восьмидесятых в Ленинграде, где был на защите своей кандидатской диссертации. Какой-то человек, по виду бурят, стоял на Невском проспекте и держал самодельный транспарант с надписью, выполненной на листе ватмана плакатным пером: «В фонд спасения Байкала». У его ног была картонная коробка из-под ботинок, в которой лежала приличная кучка банкнот разного достоинства.

И Фёдор решил перенять опыт этого афериста. Поскольку сам он был гураном (потомки от смешанных браков русских первопоселенцев Забайкалья с местными народностями монголоидной и маньчжурской групп), его можно было принять за бурята. Решив, что для Ленинграда двух сборщиков денег в этот фонд будет многовато, он встал на экологическую вахту в Москве. Он простоял на Красной площади — возле собора Василия Блаженного — полдня и собрал сумму, равную своей месячной зарплате ассистента кафедры. На следующий день к нему подошли крепкие ребята в куртках-кожанках и штанах-трениках и предложили свою крышу, потребовав за это четверть от выручки. Федя согласился. Потом подошёл постовой милиционер и предложил свою и своих сменщиков охрану по такой же таксе. Федя опять согласился.

Так он и стоял полгода года под двойной охраной, пока не попал под статью о незаконных валютных операциях. На Красной площади, известно, всегда много зарубежных гостей, и многие из них, услышав перевод надписи на Федином транспаранте, делали пожертвования в валютах своих стран. Его повязали возле Лобного места, где он обычно менял доллары, фунты, марки и иены у знакомого валютчика. Демократия уже шагала по стране, но статью УК РСФСР за незаконные валютные операции ещё не отменили.

Отмотав три года на зоне, Семёнов приобрёл кучу полезных знакомств в уголовном мире. Откинувшись, — извиняюсь, выйдя на свободу, — он осмотрелся в новой уже жизни и убедился, что изменились лишь её формы, а содержание осталось старым. Как и встарь, все начальные капиталы сколачивались преступным путём. Больше всего, из-за малой стартовой затраты, ему понравились уличные лохотроны.

Не владея ловкостью рук, необходимой для игры в напёрстки и три карты, и будучи в прошлом научным работником с учёной степенью, Фёдор организовал беспроигрышную лотерею, в основе которой была теория вероятности, игравшая на руку ведущему. В непрозрачный вращающийся барабан закладывались 36 целлулоидных мячиков от пинг-понга, шесть раз пронумерованных от 1 до 6. Игроку, заплатившему 100 рублей, предлагалось достать из барабана шесть шариков. Если хотя бы одна цифра повторялась дважды, игроку вручалась газовая зажигалка, трижды — электронная игрушка «тетрис», четырежды — пылесос, пятижды — цветной телевизор... Счастливицу, доставшему из барабана шесть одинаковых цифр, тут же вручались ключи и технический паспорт от автомобиля «Лада». По теории вероятности за день автомобиль мог выпасть лишь одному из приблизительно 10 000 000 игроков.

И хотя шансы выиграть «Жигули» были исчезающе малыми, Фёдор подстраховался и здесь — ключи с вазовским брелоком были настоящие, а техпаспорт — поддельным. На то он и лохотрон.

В отличие от остальных лохотронщиков, Семёнов официально зарегистрировал свою беспроигрышную лотерею в городской администрации, ежемесячно отчисляя 10% от прибыли в бюджет Благозвонска на нужды культуры и спорта. Таким образом, он не только обезопасил себя от милиционеров, но даже получил их защиту. Впрочем, помня поговорку про суму и тюрьму, от которых не надо зарекаться, ещё половину от оставшейся прибыли он отдавал в воровской общак.

Скоро государственные мужи, в поисках дополнительных доходов в казну, удумали разрешить в России игорный бизнес. Не без деятельного участия Фёдора Семёнова Благозвонск превратился в русский Лас-Вегас — весь центр города светился неоновыми огнями вывесок казино.

Это было воистину золотое время. Калейдоскоп рулетки, как магнит канцелярские скрепки, притягивал игроков, блэкджек-потрошитель выворачивал карманы клиентов — проигрывались заводы, пароходы и самолёты, квартиры, обручальные кольца и золотые коронки. Неудачники стрелялись и вешались. Семёнов уже не знал, куда деть деньги...

Фёдор Семёнов умер нелепой и мучительной смертью, откушав в Гонконге японских суши, заражённых неизлечимыми микроглистами, съевшими его

организм изнутри за неполный месяц. За этот короткий срок он успел потратить на дорогостоящие, но совершенно бесполезные импортные лекарства все свои немалые сбережения на чёрный день.

MADE IN BLAGOZVONSK

Деревянная тумбочка, на которой был прибит мебельными гвоздиками кожаный лейбл Levi's, была памятником лучшему из благозвонских портных второй половины XX века.

Портняжному делу Виктор Яблоков выучился ещё в школьные годы, переняв секреты ремесла у соседа по коммунальной квартире — бездетного бобыля Марка Захаровича Гольдштейна. Старый еврей зарабатывал на мацу и курочку тем, что обшивал артистов местного драмтеатра, а заодно и стилияг Благозвонска. Когда в универмаге продавались двубортные пиджаки унылого покроя и давно вышедшие из моды брюки с широкими штанинами, Гольдштейн воспроизводил по фотографиям из журналов Time и Life ультрамодные блейзеры на двух пуговицах короля рок-н-рола Элвиса Пресли и его брюки-дудочки по щиколотку.

К выпускному вечеру Витя сшил себе битловский костюм, с пиджаком без воротника и зауженными брючками, в надежде произвести фурор среди одноклассниц и выпускниц параллельного класса. Но на входе в школу его перехватил патруль из членов родительского комитета и завернул домой — переодеться в нормальную советскую одежду. Витя устыдился своего старого школьного костюма, вытертого на локтях и с пузырями на коленях, и не пошёл на выпускной бал, до утра проплакав от обиды.

В текстильный институт он не поступил, не пройдя по конкурсу, и его призвали в армию. Три года рядовой Яблоков по ночам подгонял по фигуре военную форму дембелям. Искусство заключалось в том, чтобы китель и брюки не топорщились, но и не выходили за рамки уставных требований. Оплата за работу была натуральными продуктами — пайковым сливочным маслом и папиросами, которые некурящий Витя менял на конфеты-подушечки «дунькина радость». Но главное, что получил за это время Яблоков, был большой практический опыт. К концу службы он соответствовал шестому разряду швейника-моториста, хотя и работал на старинной машинке «Зингер» с ручным приводом.

Уволившись в запас, Виктор приехал домой и устроился в ателье индпошива Военторга. Три года он обшивал генералов и высших офицеров. Форменная и гражданская одежда благозвонского кутюрье шла нарасхват — чинам ниже полковничьего надо было ждать в долгой очереди.

По выходным Виктор шил поддельные джинсы Levi's. Диагональную хлопчатобумажную ткань цвета хаки он отбеливал в хлорке и красил синим анилиновым красителем. Швейная машинка для шинельной ткани хорошо пробивала четырёхслойные джинсовые швы. Яблоковские джинсы внешне не отличались от оригинальных, но лишь до первой стирки, после которой они превращались в неопрятную тряпку. Краситель индиго подделать было невозможно.

После того как на благозвонской барахолке одно из таких изделий было куплено за 70 рублей женой милицейского генерала, на поимку подпольного

портного бросили все силы местного ОБХСС. И скоро Виктор Яблоков загремел под фанфары, получив пять лет усиленного режима.

На зоне Яблоков днём был бригадиром цеха пошива спецодежды, а по ночам — такая уж была его планида! — выполнял заказы жён и дочерей администрации лагеря.

Выйдя на свободу, Виктор был очень удивлён произошедшими в обществе переменами — вчерашние преступники-цеховики в одночасье стали уважаемыми и поощряемыми властью кооператорами.

Виктор Яблоков тоже создал свой швейный кооператив. Если вы увидите в Благовонске в мусорном контейнере выброшенные кем-то старые джинсы-варёнки образца 1990 года, так знайте, что эта модель (последний писк моды в то время) была разработана и пущена в производство Яблоковым. Поддельные американские джинсы Levi's он тоже продолжал шить и достиг такого совершенства, что однажды партия коттоновых штанов цвета индиго Made in Blagovonsk была легально продана за океан, на свою историческую родину.

Дела у Виктора шли, как никогда, хорошо, но с открытием прибрежной торговли из-за Амура пошёл валом китайский текстиль, разом похеривший всю отечественную швейную промышленность.

Яблоков запил по-чёрному и в конце концов умер где-то под забором, отравившись стеклоочистителем.

ПРО НЕЧИСТУЮ СИЛУ

Как-то раз, солнечным июльским днём, аккуратно после выдачи зарплаты в МП «Ритуальный сервис», на кладбище нагрянула съёмочная группа одной из местных телекомпаний. Журналистка, представившаяся Леной, судя по всему, была многоопытной дамочкой. Щетина с Мишиного одутловатого лица была тут же сбрита одноразовым станком, так кстати оказавшимся в её сумочке. Видя похмельные страдания Воробьёва, она утолила его жажду банкой «Балтики-9». И лишь после того, как интервьюируемый приобрёл товарный вид, началась съёмка.

— Илья, сначала меня возьми крупным планом, а потом нас двоих — общим, — отдала оператору указание теледива и продолжила уже на камеру: — Расскажите, как идёт инвентаризация кладбища?

— За полтора месяца мною описано порядка трёх тысяч могил, что соответствует графику плана, и, если не подведёт погода, есть надежда на то, что к концу осени инвентаризация кладбища будет окончена, — обстоятельно ответил Миша. Вспомнив при этом голосовые интонации и устойчивые словосочетания многочисленных комбайнеров и доярок, шахтёров и ткачих, звеньевых и бригадиров, директоров заводов и председателей колхозов, которых он сам расспрашивал — в бытность свою корреспондентом сначала районной, а потом и областной газеты.

Воробьёв аппендиксом чувствовал, что журналисточке и самой до чёртиков надоело проводить такие вот нудные интервью, и он решил ей подыграть.

Ещё через пару-тройку проходных вопросов-ответов они подошли к кульминации сюжета.

— Скажите, а что-нибудь необычное вы здесь встречали? — как бы мимоходом спросила Лена.

— Конечно, чуть не каждый день встречаю, — не обманул её ожиданий Миша.

— А что именно?!

Воробьёв заметил, что оператор делает наезд на его лицо, и крупным планом ответил:

— Вот, к примеру, с неделю назад я оказался на месте, где пальцы мёрзли, как зимой в мороз. Представляете — жара под сорок градусов в тени, а пальцы замерзают так, что не сгибаются.

— Что же это было, как вы думаете?! — аж взвизгнула от радости экзальтированная журналистка.

— А чёрт его знает, — ответил Миша, наложив на себя крестное знамение. — Как будто ледник под землёй.

— И вы можете показать это загадочное место?

— Конечно, могу. А вчера какой-то игрунок со мной шутки шутил.

— Какой ещё игрунок?

— Это такое безобидное существо — мне шнурки развязывал на кроссовках.

— Может, вы за что-нибудь зацепились шнурком?

— Ну как же. Туго затягиваю, крепко завязываю... Пара минут — и сами развязались. И так несколько раз подряд. Я «Отче наш, иже еси...» прочитал, он и отстал сразу.

— А почему вы называете это существо игрунком?

— Мне про них ещё бабушка рассказывала. В старину они девкам косы расплетали.

— Так давайте пройдем по этим аномальным местам! — попросила Лена.

Поплутав с четверть часа между могилок, Воробьёв наконец остановился наугад возле одной из них — с деревянной тумбочкой без номерка и таблички, с едва заметным холмиком, заросшим бурьяном.

— Вот здесь у меня замёрзли пальцы.

— А почему у меня сейчас не мёрзнут? — усомнилась Лена. — Илья, у тебя мёрзнут? И у него не мёрзнут.

— Так я тогда это место святой водичкой окропил, — нашёлся Миша, хлопав ладонью по армейской фляжке у себя на поясе.

— Илья, сними могилку крупным планом, — сказала теледива.

— Это... аккумулятор сел, — растерянно ответил оператор.

— Так поставь запасной!

Илья заменил аккумулятор и растерянно сказал:

— И этот... сел.

— Может, ты его не зарядил?

— Всю ночь на подзарядке стоял.

На этом съёмка закончилась. Воробьёв опытным взглядом оценил помятое лицо Ильи и подумал, что в телекомпании, должно быть, вчера тоже был день выдачи зарплаты и видеооператору было не до подзарядки аккумулятора.

Когда они вышли на дорогу, Лена спохватилась:

— Ой, я кулон из нефрита потеряла — цепочка сама по себе разомкнулась!

А вечером в программе «Новости дня» три раза повторили сюжет с кладбища. Мишина шутка удалась на славу, назавтра сенсационный сюжет о потусторонних силах на кладбище Благовонска показали по центральным российским телеканалам и даже в эфире би-би-си.

Но шутки шутками, а в действительности — есть ли на земле нечистая сила? Есть! Не из пальца же высосал Николай Васильевич сюжеты для «Вия», «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и «Сорочинской ярмарки». В стародавние времена на Руси в каждой деревне было по своей ведьме, колдуну и оборотню. Случится неурожай пшеницы, ржи или овса — это ведьма наворожила, а не хозяин поля сроки сева прозевал. Нападёт на коров сибирская язва — колдун порчу напустил, а не заражённое сено кто-то в деревню привёз. Напугает позднего прохожего волк-оборотень — это не из-за того, что прохожий в гостях самогона перепил, а потому, что по матери ругался, когда перекрещивался.

Потом началась социалистическая индустриализация, и деревенский народ — кого пряником поманили, а кого кнутом погнали — подался на стройки пятилеток. Нечисти куда деваться? И она вместе с честным народом в город потянулась. Упал на стройке кран — то не гравийное полотно под рельсами просело, а колдун вредительский акт устроил. Пошёл на мануфактурном комбинате брак — то не станки разрегулированы, а злая ведьма нашептала. В рабочей столовой нет мяса в щах — то сырую свиную тушу упырь ночью сожрал, а не повара украли.

Нечистая сила бывает разного калибра. У одной нечисти силёнок достаточно, лишь чтобы в отдельно взятом колхозе падёж курей или свиней устроить. А бывает такая сильная нечисть, что голодомор по всей Украине, с её-то плодородными чернозёмами, организует.

И только на очередном съезде РСДПР — КПСС скверну выявят и вычистят, как она тут же видоизменяется, приобретая новую внешность — то левых перегибов и головокружения от успехов, то культа личности и волюнтаризма, то ускорения и перестройки.

Нечистая сила идёт в ногу с научно-техническим прогрессом. Включите телевизор, и вы услышите, как кот Баюн докладывает о предстоящем снижении уровня инфляции, а сладкоголосая Сирена — о скором укреплении курса рубля. И под эти колыбельные песенки олигархи-вампиры сосут, аж причмокивают, кровушку народную.

Есть нечистая сила — факт!

БЕЗ РОДУ И ПЛЕМЕНИ

Поражает постоянное стремление всякого толка реформаторов вмешиваться в порядок исчисления времени. Так, день Великой французской революции во Франции был объявлен началом эры. Российские коммунисты хотя и называли день Великой Октябрьской социалистической революции началом новой эпохи, но не стали изменять действующий календарь. Вместо этого они ввели

неделю из пяти рабочих дней и одного дня отдыха, которые так и назывались: 1-й, 2-й, 3-й, 4-й и 5-й рабочие дни и день отдыха. Таким хитрым способом воинствующие безбожники избавились от ненавистного им воскресенья.

Французские коммунары и российские большевики внесли сумятицу в подсчёт времени, но их календарные реформы были недолговечными — в масштабах истории человечества, можно сказать, сиюминутными.

Особый случай — та изумительная путаница, которую внесли в нашу повседневную жизнь православные священнослужители. Из-за нежелания идти в ногу с папой римским они отмечают все события Нового завета на 13 дней позже остального христианского мира. И русскому человеку, который любит погулять, это пришлось по душе. Новый год мы празднуем два раза. «Старый Новый год» — это российский бренд!

А вот наши далёкие пращуры жили и вовсе без календаря. Не догадываясь, что понедельник — день тяжёлый, а пятница 13-го — и того тяжелее, первобытные люди не имели даже часов — они просто не смогли бы опоздать на службу, будь у них таковая.

Часть современного человечества — так называемые бомжи, — интуитивно осознав все выгоды вневременного существования, пошла по пути эволюционного регресса. Скажите мне: чем отличается бомж от неандертальца? Так же, как и его доисторический предок, бомж не имеет паспорта, живёт в пещере и добывает пропитание собирательством. Колодец теплотрассы — та же пещера, только техногенная. Поиски пищевых отходов в мусорных контейнерах — чем не собирательство? Но главное их сходство — независимость от времени. Спроси бомжа, который час. Ему это надо?

Бомжей хоронят на участке для безродных. Могилы им копают «экономичные» — на ширину ковша экскаватора, памятник — деревянная тумбочка с порядковым номером. Родственникам не надо покупать венки, заказывать похоронный оркестр и поминки в столовой. И безутешные вдовы не падают в обморок при стуке молотка, когда приколачивается крышка некрашеного гроба.

И Воробьеву бомжи не доставили хлопот. Все бланки инвентаризации на них Миша заполнил, сидя на скамеечке в тени деревьев, как под копирку: Ф.И.О. — нет, дат рождения-смерти — нет, памятник — тумбочка деревянная. Осталось лишь скорым шагом обойти участок захоронения безродных и переписать номерки могилки.

Хорошие покойники — бомжи.

ПОСЛЕДНИЙ ГЕРОЙ

В этот день Воробьева послали в командировку по городу. Оказалось, исторические захоронения на территории Благозвонска также находятся в ведении МП «Ритуальный сервис». Ведь, если отбросить идеологию, это обычные могилы, только за пределами кладбища.

— Вот тебе проездной билет на автобус — поедешь к могиле Тараканова. Запишешь даты рождения-смерти, материалы и размеры памятников. В общем, всё по установленной форме, — напутствовал Мишу главный инженер.

Могила Пантелея Тараканова находилась в центре Благовонска в окружении сквера. Над могилой был установлен бронзовый бюст мужчины с интеллигентным лицом в круглых очках. На табличке было написано: «Здесь покоится тело первого председателя Благовонского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Пантелея Тараканова, зверски убитого японскими интервентами и белогвардейцами 13 марта 1919 года. Вечная память и слава герою!».

Путь Пантелея в революцию начался с того, что он, студент коммерческого училища, примкнул к ячейке большевиков-подпольщиков в Благовонске. Городок на Амуре был транзитным пунктом переправки в Китай революционеров, скрывавшихся от царской охраны. Перейдя по льду речную границу, они добирались до Шанхая, откуда морем переправлялись в Америку и Европу. Проводниками были местные контрабандисты, русские и китайские, работавшие не за идею, а за деньги. Денег всегда не доставало. И когда в Благовонске объявилась банда варшавских фальшивомонетчиков, здешние большевики-подпольщики помогли им обустроиться и наладить печатание поддельных банкнот. Фотографическая мастерская, в которой изготавливались клише для фальшивых денег, была оформлена на Тараканова. Фальшивомонетчики работали с размахом, и касса подпольщиков переживала свои самые лучшие времена. Но, сколько верёвочке ни виться... Банду взяли с поличным и судили. Пантелей получил десять лет каторги, но не отбыл и трети срока — свободу ему даровала революция.

Товарищи по партии признали уголовное преступление Пантелея несущественным фактом, поскольку он таким способом добывал деньги для дела революции. Вскоре Тараканов был избран председателем Благовонского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Советская власть продержалась недолго — скоро Благовонск был занят японцами и колчаковцами. Большевики опять ушли в подполье и начали подготовку вооружённого восстания. В ходе одной из облав Пантелея поймали. Он мужественно держался на допросах и никого не выдал, хотя и подвергался пыткам. Узнав, что подпольщики готовят нападение, чтобы освободить своего руководителя, колчаковцы поспешили перевести его из контрразведки в тюрьму. Тараканова застрелили при попытке побега.

В годы советской власти Пантелей Тараканов был канонизирован как герой революции, погибший за счастье народа. К 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции городской партком выступил с инициативой переименования Благовонска в Таракановск. Неожиданно из Москвы пришёл ничем не мотивированный отказ.

И лишь в годы перестройки, когда были рассекречены архивы ВЧК—НКВД—КГБ, открылась истина.

Оказалось, что сразу после Гражданской войны документы колчаковской контрразведки попали в руки чекистов и стала известна история предательства Тараканова. Как следовало из протоколов и письменных признаний самого Пантелея Тараканова, он начал давать показания на первом же допросе. Попросил карандаш и бумагу и подробно описал адреса явочных квартир, склады оружия и боеприпасов, назвал поимённо всех известных ему подпольщиков. В

городе и в сёлах начались аресты и расстрелы. Самого Тараканова, за ненадобностью, колчаковцы тоже пустили в расход. Вывели из здания контрразведки на улицу, сказали: «Беги!» — и пустили пулю в спину.

Несколько десятков лет признательные записи Тараканова хранились под грифом «Совершенно секретно!». Их многократно подвергали графологической экспертизе — в надежде обнаружить фальсификацию. Но все без исключения экспертизы подтвердили, что под протоколами допросов стоят подлинные подписи арестованного, его же рукой написаны многостраничное раскаяние и донос на товарищей по подполью.

За это время именем героя революции и Гражданской войны были названы село, где он родился, улица, где он погиб, судостроительный завод, педагогический институт, теплоход, сквер; у его могилы принимали в пионеры и в комсомольцы, отсюда отправлялись отряды на целину и на стройки пятилеток.

Новые власти не спешили принимать политическое решение о демонтаже памятника Пантелею Тараканову и о переносе его могилы на городское кладбище. Так и стоял он, покрытый слоем купоросно-зелёной окиси, с высоты гранитного постамента безучастно взирая на карусель окружающей жизни. Ни богу свечка, ни чёрту кочерга.

А Миша Воробьёв добросовестно выполнил свою работу, записав в бланке инвентаризации:

Могила Тараканова

Ф.И.О.: Тараканов Пантелей Афанасьевич.

Даты рождения-смерти: 1878—13.03.1919.

Материал памятника: гранит-бронза.

Ограда: якорная цепь, 3,5х3,5 м.

Состояние могилы (подчеркнуть): хорошее, среднее, плохое.

Особые отметки: нет.

ПТИЦА ТРОЙКА

Откуда-то издали донёсся звон бронзового колокольчика, какой висит под дугой коренного жеребца в русской тройке. Колокольчик звучал всё громче и ближе, и наконец на кладбищенской дороге показалась бричка, запряжённая в тройку лошадей.

— Тпру! — крикнул извозчик и натянул вожжи.

Бричка встала, и из неё вышел господин «не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однако ж и не так, чтобы слишком молод», одетый во «фрак брусничного цвета с искрой».

«Чичиков приехал!» — сразу узнал господина из брички Миша.

— Что, Михаил, много ты сегодня для меня мёртвых душ переписал? — спросил Чичиков у Воробьёва.

— Здесь сто восемьдесят три, — ответил Миша и протянул Чичикову свою сумку-планшет с заполненными бланками инвентаризации кладбища. —

Остальные я сдал главному инженеру. Там много — тысяч пятнадцать с лишним. Только вот как же мне их теперь взять оттуда для вас.

— Я уже забрал, — успокоил его Чичиков, принимая исписанные бланки — в подтёках от капель пота, в пятнах крови от раздавленных комаров.

— Павел Иванович, — робко попросил его Миша, — теперь меня с работы точно уволят, возьмите к себе на службу.

— Беру, Воробьёв, тебя своим секретарём, — обрадовал Мишу Чичиков. — Садись рядом со мной и приступай.

Счастливый Воробьёв взобрался вслед за своим новым начальником в бричку.

— Поехали! — толкнул Чичиков в войлочную спину извозчика.

Тот крикнул:

— Н-но, треклятые! — И взмахнул при этом вожжами.

Кони рванули, бричка с грохотом понеслась. Сначала она тряслась по гравийной дороге, то и дело наезжая колёсами на большие булыжники, но потом ход её стал плавным. Миша с удивлением увидел, что кони вместе с бричкой уже летят по воздуху, набирая высоту, отталкиваясь коваными копытами — будто это был не небесный эфир, а земная твердь. И уже далеко внизу, как на Гугл-карте, осталось и кладбище, затем и город, а потом и вся эта огромная — от Балтийского моря до Тихого океана — страна.

«Так вот почему — птица тройка!» — успел радостно подумать Миша.

А внизу медленно проплывали величавые реки и озёра, красивые леса и горы, и уже не были видны за дальностью расстояния все мерзости России, как то: раздолбанные дороги и покосившиеся избы деревенок, вызывающе роскошные дворцы и яхты олигархов, и сам бедный русский народ, и его ненасытные паразиты-кровопийцы.

Птица тройка летела напрямик к ослепительно белому, взрывающемуся термоядерными протуберанцами шару дневного светила. С каждой секундой становилось всё жарче, и скоро и кони, и люди распались на атомы, из которых были кем-то и зачем-то замешены и вылеплены.

О Воробьёве спохватились лишь через три дня. Сначала подумали, что Миша запил и забил на работу. Потом на всякий случай послали смотрителя кладбища поискать по участкам. Труп техника-инвентаризатора лежал на спине, на его лице застыло выражение полного счастья. Судебно-медицинская экспертиза показала ненасильственный характер смерти, а врач-патологоанатом назвал её причину — геморрагический инсульт (как говорили во времена Гоголя, апоплексический удар).

Из морга тело Михаила Воробьёва никто не забрал, и его похоронили за счёт государства на участке для безродных покойников. Закопав некрашенный гроб, несентиментальные могильщики пустили по кругу из горла бутылку водки, зажевав печеньем с чьей-то свежей могилы. Через неделю студентка на каникулах, принятая на освободившееся место, аккуратно описала его могилу на бланке инвентаризации.

А потом случилось нечто таинственное, не поддающееся какому-то материалистическому объяснению. Когда решили оприходовать инвентаризационные бланки, заполненные Воробьёвым за два с половиной месяца, обнаружилось,

что во всех десяти картонных коробках из-под принтерной бумаги «Снегурочка» лежали незаполненные пустографки. Кто-то предположил, что Воробьёв делал записи исчезающими симпатическими чернилами. Бланки смотрели на просвет и гладили горячим утюгом, но на них ничего не проявилось.

Опросили всех сотрудников офиса, не заметили ли они в последнее время чего-то необычного или подозрительного. Завхоз и уборщица показали, что в день Мишиной смерти к конторе «Ритуального сервиса» подъезжала чёрная бричка, запряжённая в тройку вороных коней, которую они приняли за новый катафалк в ретростиле. Из брички вышел какой-то господин, одетый по старинной моде, который поднялся на второй этаж, где кабинет главного инженера, а потом спустился с большой полосатой китайской сумкой, наполненной чем-то. Были внимательно просмотрены записи за тот день с камер внешнего и внутреннего наблюдения, но на них ничего такого зафиксировано не было. Чтобы не прослыть ротозеями, тем паче шизофрениками, решили не сообщать о таинственной пропаже в полицию.

И правильно поступили — какой может быть спрос с Чичикова.